

По дороге от Скалы стариков

Я живу в Кабардино-Балкарии. И для кабардинцев, и для балкарцев мораль и нравственность не просто абстрактные понятия. Ведь принципы гуманизма, добра и справедливости были помещены в основу кабардинского Адыга-хаджа и балкарского Гау-адей-негмасынх сводов правил, по которым народы жили много веков. И каждый мой земляк знает: нарушить законы народной этики не менее позорно, чем законы гражданского и уголовного кодексов.

Работая над темой сочинения, я с удивлением обнаружил, что «нравственность» - относительно молодое понятие в истории человечества. И то, что сегодня представляется нам немиссионерским, жестоким, является позорным исключением, было нормой в недавнем историческом прошлом. Например, убийство ради отъема ресурсов, так называемый «естественный сбор», когда слабый и большой обречен на смерть, рабствование и многое другое, с чего становился не по себе.

У каждого народа свой путь к нравственности. У адыгов есть поучительная история о рождении нравственности - сказание Маргоского эпоса о «Скале стариков»: «Был у маргов старик, но плохой свикал. Когда мужчина становился таким дряхлым, что не мог уже вышагивать на три четверти меча из ножен, не мог сесть без чужой помощи на коня, не мог натянуть лук, чтобы поохотиться, не было уже у него сил, чтобы натянуть тетиву, чтобы держать град в руках,



жить коню семя, не было уже у него сил, чтобы не дремать, охраняя стадо, - сажали этого зрячего старца в плетеную корзину и выносили из селения...". Пришла пора, когда герой Бадьенко, известный своими патвильми подвигами, должен был спросить со скалы своего отца Бадьена. Но дрогнуло сердце великого героя. Он спрятал отца и стал тайно принимать помощь. Мудрый Бадьен в свою очередь через сына давал советы мартам, которые возвращали народ от голода и бед. И однажды Бадьенко открылся соплеменникам, что пожалел своего отца. И тогда решили марты: смелый старец обещал, что он не захочет, не увозить зрячего старика на вершину горы Старости, не срывать их в пропасть по дороге смерти, а лечить их старость и слушаться их мудрых советов. Так внес Бадьенко в страну мартов новый обычай. Это был хороший обычай, и старики жили с тех пор до самого предела своей жизни, передавая мартов мудростью и благословляя Бадьенко.

И я подумал: это удивительней и добродней всех подвигов могучих мартов вместе взятых! Да, конечно, победил в одиночку против целого войска, добывая помощь для людей, победить злодея, чтобы достать помощь для своего племени, - это достойно того, чтобы оставаться в памяти народа. Но поступок Бадьенко представляется мне самым важным и самым обязательным. Ведь победил против общественного зла, против установившихся правил порока сложнее, чем бесстрашно сражаться в бою. Бадьенко не преследовал защиты своего отца от смерти. Он спас всех остальных отцов - немилых в одно время и тех, кто пожелал



далее, кто живет сейчас и будет жить после нас. Это поступок, который поднимает человека над его звериной природой. Бодьенко помог увидеть своим соотечественникам в человеке нечто большее, чем добычу и похирателя пищи. Он преодолел закон жестокой полезности: мы едем, пока приносим пользу.

Это сказание учит любить бескорыстно, не требуя ничего взамен. И знать, что любовь порождает любовь. И когда-то твои дети стеснутся к тебе так же, как ты стеснялся к своим родителям.

На пути к нравственности человек прошел страшный, жестокий путь. Жизнь многих младенцев, избавляясь от немощных стариков - последние обыватели своей страны самыми разными народами. Но всегда рождались герои, которые отважно вставали на защиту слабых.

Сегодня, как и раньше, Адыгя-хаджа и Гау-адег - нравственные кодексы кчульмьых народов лесей Республики - являются образцами гуманизма и морали. А почитание старших - один из наших главных нравственных законов.

Сейчас стариков не сразаывают со скалы. Но в нашем городе есть дом инвалидов и престарелых, где больные и немощные люди находятся на попечении государства. С одной стороны, это большой позор. Но, размышляя о пути нравственности в истории человечества, я подумал: разве это не победа нравственности, когда забота о беспомощных, бездомных и одиноких становится не только делом добровольцев, но и





историком может? Кого бы мне хотелось
 300 тысяч, а 150-50 тысяч: Маусет, Сурфобус,
 контрабанда и модный карьеру и любовь.
 "карбонаты" пропавшего оптимистичный путь к работам
 нести по дороге от Крамер опухает. "и мне хотелось
 быть, но кого-нибудь и пока неопределенно
 уйдя в прошлое, как будто "такая натура"